

4. ГА Гомельской области. Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 84. т.1.
5. ГА Гомельской области. Ф.211. – Оп. 1. – Д. 225.
6. X съезд КП(б)Б. Стенографический отчет. – Минск: Белгосиздат, 1927. – 448 с.
7. История СССР. Серия вторая. – М.: Наука, 1967. – Т. VIII. – 726 с.
8. К истории плана электрификации Советской страны. Сб. документов и материалов. 1918 – 1920 гг. – М.: Госкомиздат, 1952. – 360 с.
9. Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. – Минск: Госплан БССР, 1967. – 288 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 12п. – Оп. 1. – Д. 203.
11. НАРБ. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 569.
12. НАРБ. Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 1047.
13. План электрификации РСФСР. – М.: Госполитиздат, 1955. – 660 с.
14. Промышленность СССР. – М.: Госстатиздат, 1957. – 447 с.
15. Рабочий. – 1930. – 10 ноября.
16. Савецкая Беларусь. – 1927. – 10 ліпеня.
17. Советское строительство. 1926. – № 10.
18. 40 лет плана ГОЭЛРО. (1920 – 1960). Сборник материалов. М.-Л.: Госэнергоиздат, 1960. – 368 с.
19. Труды ГОЭЛРО. Документы и материалы. – М.: Изд-во социально-экономической л-ры, 1960. – 308 с.
20. Электрификация СССР (1917 – 1967 гг.). – М.: Энергия, 1967. – 542 с.
21. Энергетика Белоруссии. – Минск: Польша, 1968. – 157 с.

Кондратюк Г.Н.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕМЦЕВ КРЫМСКОЙ АССР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война оставила глубокий след в исторической судьбе всех народов Центральной и Восточной Европы. Огромные массы населения оказались вырванными из своих домов, подверглись принудительному переселению и испытали комплекс мероприятий национальной дискриминации. В событиях Второй мировой войны присутствуют как отголоски национальной политики довоенного периода, так и сама война вызвала к жизни новые векторы в решении национальных вопросов. Начавшаяся война привела к депортации из Крыма в августе 1941 года порядка пятидесяти тысяч немцев. Их расценивали как своеобразную «пятую колонну» перед наступающими фашистскими войсками. Но акт насильственной депортации стал логическим завершением сталинской национальной политики межвоенного двадцатилетия. В мае 1944 года, после освобождения Крыма от фашистских войск, были депортированы на Урал, в Казахстан и Сибирь крымские греки, армяне и болгары. На Ялтинской конференции, посвящённой вопросам послевоенного устройства, было принято постановление «О Польше». Согласно этому решению должен был состояться обмен польским и украинским населением между УССР и ПНР. Это печально знаменитая операция «Висла», во время которой были депортированы украинцы с территорий, отошедших к послевоенной Польше. Необходимо также отметить, что одной из причин явления коллаборационизма во время Второй мировой войны являлся национализм. Корни националистических организаций в нерешённости национальных запросов и потребностей в межвоенное двадцатилетие, в сохранении лозунгов национальной борьбы 1917-1920 годов. Поэтому не вызывает сомнения актуальность изучения национальной политики накануне Второй мировой войны, позволяющая проанализировать причинно-следственные связи военного противостояния.

Реализация национальной политики в послевоенном мирном устройстве также совершенно очевидна. Отголоски национальных коллизий 1940-х годов ощутимы и до сегодняшнего дня. В современную Автономную Республику Крым происходит возвращение ранее депортированных народов: крымских татар, армян, болгар, греков. Это сложный процесс, и сохранение межнационального мира в Украине является проверкой зрелости государственного строительства.

Актуальность темы обусловила обращение к ней современных исследователей. Подготовлен ряд работ, в которых анализируются различные аспекты и особенности национальной политики межвоенного двадцатилетия. Это исследования Гунчака Т., Новохатько Л.М., Кузьменко В.Б. [1]. Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать специфику национальной политики в отношении немцев в Крымской АССР, как особый комплекс мероприятий в жизни автономии.

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) была провозглашена национальная политика, получившая название коренизации. Её отличительной чертой являлась региональная специфика. Крым стал своеобразным полигоном апробирования мер новой национальной политики. Среди причин создавшейся ситуации стоит назвать ограниченность крымской территории, влияние внешнеполитического фактора, чрезвычайную многонациональность населения полуострова. На данный фактор обратил внимание орган крымского областного комитета партии «Коммунистический вестник»: «Вопрос национальной политики в крымских условиях приобретает ещё большее значение, как в Республике национальной» [2, 3].

Национальная политика обладала несколькими компонентами: административным, экономическим, образовательно-культурным, идеологическим. Межвоенное двадцатилетие оказалось сложным и трагическим периодом для немцев Крыма. Сложившийся десятилетиями хозяйственный уклад, материальный достаток оказался разрушенным. Не меньшему воздействию оказались подвержены традиции и обычаи, отношения между поколениями, идеологические установки. В жизни немецких колоний Крыма 1920-1930-х годов не было ни одной сферы, которая бы не была реформирована. Комплексный характер – отличительная черта политики коренизации. Коренизация обладала дифференцированным характером по отношению к различным народам, жившим на территории Крыма. Её меры были направлены прежде всего на крымских татар, поэтому во многих документах она именуется татаризацией. У партийного руководства сформировалось представление о том, что есть ряд «враждебных народов» по отношению к советской власти. В Крыму такими считались немцы, поляки, латыши. Их оценивали как своеобразную «пятую колонну». Достижения коренизации для народов Крыма были далеко не одинаковы. Для крымских татар можно сказать о целом ряде серьёзных достижений. Для немцев Крыма коренизация превратилась в ряд прямых и косвенных репрессивных мероприятий. В совокупности они кардинально изменили внутренний мир немецких колоний. Внутренний мир – это экономические условия жизнедеятельности, возможности для общественной инициативы, церковная и школьная жизнь, духовная свобода человека и уважение к человеческой личности.

С момента установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года началось систематическое наступление на собственность и экономические права немецко-колонистов. Реквизиция продовольствия, изъятие земель – подорвали экономическую основу благополучия колонистов. Партийный документ фиксировал данный процесс:

«Немецкое крестьянство в Крыму от старых навыков обрабатывать большие земельные площади было очень трудно оторвать...Немецкое с/х до войны было очень крепкое, следствием чего октябрьская революция получила в наследство от прошлого времени очень неблагоприятный социальный состав, а поскольку хозяйственная мощность всегда создаёт капиталистические наклонности, то отсюда и политические настроения против советской власти и партии. Это настроение ещё значительно увеличилось с проведением земельной реформы, которое немецкому крестьянству урезало возможность накопления» [3, 131].

Неблагоприятные экономические условия нанесли ощутимый ущерб по системе школьного образования и религии, так как школы существовали за счёт финансовых ресурсов самих колонистов. На порядок сократилось количество школ. К 1923 году из 230 школ первой ступени продолжали работу только 150 [4, 36]. При этом возник парадокс, когда в немецких школах большинство предметов преподавалось на русском языке, а «большинство учеников не владеет свободно русским языком, приходится объяснять и на немецком языке» [5, л.40об]. Школы и религиозные учреждения, формировавшие мировоззрение и духовный мир жителей немецких сёл, испытали на себе идеологический прессинг. Наркомпрос Крымской АССР стремился изменить учительский состав. Секретарь немецкой секции ОК ВКП(б) Шульц пришёл к такому выводу: «Часто в школах обнаруживается молитвенник, библия, религиозные песни...вообще в школах II ступени отсутствует советский дух, ни лозунгов, ни плакатов, ни учкомов. С начала 27/28 года были приняты энергичные меры по улучшению этого дела, сейчас в школах работают партийцы общественеды, которым удалось внести от части советский дух в школу. Правда работа их очень затрудняется тем, что они не встречают поддержки со стороны остального учительства» [6, 134.]. Школа стала инструментом для изменения духовного мира немецких колоний. Социальный заказ заключался в том, чтобы воспитать новое поколение молодёжи с советским мировоззрением. В своём выступлении 1923 года инструктор Крымсовнацмена В. Опроцковец безапелляционно заявил: «лучше не иметь никакой школы, чем дать возможность существования такой школы, в которой воспитывались монашки» [7, 43].

В своём докладе 1926 года немецкая секция Джанкойского райкома ВКП(б) отмечала, что «немецкая деревня жива ещё традициями, установившимися сотни лет назад и к тому же религиозные убеждения очень укоренились среди таковых» [8, 36]. Это высказывание точно отражает характер духовной жизни немцев колонистов и факт острого противостояния идеологии большевизма с религиозным мировоззрением жителей немецких деревень.

В период до Первой мировой войны в немецких колониях существовали общественные организации, позволявшие решать потребности населения. С установлением советской власти гражданская инициатива была взята под контроль. В своём отчёте за февраль 1923 года немецкая секция при ОК ВКП(б) отмечала: «Секция узнала о существовании «Общества взаимопомощи» в Джанкое. виду того, что самостоятельное существование таковых национальных организаций с партийной точки зрения не допустимо, предпринимались со стороны секции шаги для вхождения этой организации в общую сеть, и обеспечить партийное влияние в Правлении Общества» [9, 4об.].

Важной формой работы по изменению внутреннего мира колонистов в 1920-е годы стали немецкие беспартийные конференции. В рамках этих конференций осуществлялся диалог власти с крестьянством и интеллигенцией. Одна из первых конференций состоялась в Симферополе 16-18 января 1922 года. В её работе приняло участие около

400 делегатов, четвертую часть из которых составляли представители интеллигенции. Немецкая секция ОК РКП(б) отметила, что «в течение конференции были подвергнуты суровой критике неправильные действия советских органов и советских партийных работников на местах, жестокость, с которой проводились и проводятся военные реквизиции, развёрстка...хозяйства немцев колонистов доведены до края гибели» [10, 1].

Отличительная черта религиозного мировоззрения – его цельность. Для жителей немецких колоний был характерен высокий уровень религиозности. Поэтому сфера религии подверглась очень жёсткому давлению со стороны государства. В национальной политике 1920-х годов антирелигиозной пропаганде, периодическим кампаниям, отводилась важная роль. Немецкая секция ОК ВКП(б) в сентябре 1926 года отмечала: «Советизации легче поддаются немцы-лютеране, остальные группы немцев более консервативны и продолжают вести патриархальный образ жизни. Зарегистрированных немецких церквей и молитвенных домов 42, из них лютеранских 18, менонитских 10, других сект 2» [11, 27]. Секретарь немецкой секции Джанкойского райкома ВКП(б) Эрнст в своём отчёте отмечал: «Отношение к служителям культа хорошее и таковые среди немцев пользуются популярностью» [12, 29]. Заместитель заведующего Орготделом крымского ОК ВКП(б) Шулемзон в аналитической записке отмечал: «католические колонии индеферентно относятся к текущему моменту, слабо реагируют на строительство и до настоящего времени относятся с благоговением к своим патерам, находясь целиком под их влиянием...Среди католиков...сильно развит религиозный фанатизм, благодаря чему более или менее сознательных граждан наберётся среди них не более 10%» [13, 87]. Автор заключает: «Немецкая молодёжь большей частью находится под влиянием своих родителей и почти во всех отношениях ни в чём от них не отличается. Так же религиозно, замкнуто и политически не развито» [14, 91]. В 1928 году на партийном совещании в докладе представителя Агитпропа Таксера отмечалось, что необходимо «усилить вовлечение национальной интеллигенции в общественную и советскую работу, отвоёвывающая лучшую и здоровую её часть от националистических влияний, вместе с тем резко критикуя имеющиеся у неё пережитки национализма» [15, 14].

Национальная немецкая интеллигенция являлась хранительницей традиций, языка, культуры, и её роль в сохранении национальной идентичности огромна. В борьбе национального и интернационального в рамках политики коренизации влияние интеллигенции оказалось решающим. В 1920-е годы национальная идентификация осуществлялась на основе родного языка, культуры, традиций и обычаев, идентификация себя как немцев, а уже потом – советских граждан. Неудавшаяся попытка советской власти привлечь национальную немецкую интеллигенцию к сотрудничеству завершилась переходом к формированию совершенно нового поколения уже советской интеллигенции. В партийной резолюции читаем: «ближайшими задачами должны явиться: скорейшая разработка вопросов, связанных с созданием новых кадров революционной национальной интеллигенции и специалистов» [16, 10].

Первая половина 1930-х годов характеризуется совершенно новыми ориентирами национальной политики. Тезис о «пролетарской культуре» должен был обеспечить формирование новой модели национальной идентичности: «Пролетарская культура даёт содержание и обеспечивает развитие культуры национальной по форме... Наша задача – уметь разоблачать и беспощадно подавлять контрреволюционные происки классового врага на фронте национально-культурного строительства. Идут и предстоят ещё жестокие бои

культуры социалистической и культуры капиталистической» [17, 14]. В резолюции VI Объединённого пленума ОК и ОКК ВКП(б) о национальном строительстве в Крыму отмечалось, что «в культурно-национальном строительстве в качестве основных задач... является: решительный поворот внимания парторганизации в сторону повышения качества культурной работы и в первую очередь качества национальной школы» [18, 56].

Национальная политика включала и административное направление, которое выразилось в создании немецких сельских советов и 2 национальных районов: Биюк-Онларского и Тельманского. Тельманский район был создан в январе 1935 года. Из 21819 человек населения района немцы составляли 953 жителя. Из 63 колхозов 31 являлся немецким. В условиях укрепления тоталитарного режима, создание этого района ничего не принесло для немецкого населения. В отношении немцев массовыми становятся обвинения в фашизме. В своём отчёте за 1936 год секретарь Тельманского РК ВКП(б) Горст писал: «учителя немцы, являлись организаторами клеветнической переписки с границей, получения фашистской литературы и денежной помощи из-за границы» [19, 23]. В духе эпохи автор констатирует: «именно среди немецкого населения больше всего ещё сохранились элементы частнособственнических, антигосударственных тенденций, разжигаемых классово-чуждыми, имеющими связь с фашистской Германией, людьми, обязывает районную парторганизацию к особо острой классовой бдительности» [20, 32].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национальная политика межвоенного двадцатилетия не решила комплекса потребностей народов, живших в Крыму. Рассмотренный комплекс мероприятий являлся достаточно дифференцированным. Национальная политика 1920-х годов обладала творческим, в целом позитивным характером. Репрессии 1930-х годов перечеркнули эти положительные достижения.

Список цитированных источников

1. Гунчак, Т. Україна: перша половина ХХ століття. Нариси політичної історії. – Київ: Либідь, 1994. – 287с.; Новохатько, Л.М. Національний аспект доктрини «соціалістичної реконструкції». (Спроба історико-теоретичного переосмислення). – Київ: Інститут історії України, 1997. – 110с.; Міжнародні відносини і національні меншини України: Стан, перспективи. – Київ: Голов. спец. ред. літ. мовами нац. меншин України, 2004. – 384с.; Кузьменко, В.Б. Міжнародні відносини в Радянській Україні (1917-1939 рр.): правові аспекти. – Одеса: ОДУВС, 2009. – 810с.
2. И. Носов К 10-й областной партийной конференции // Коммунистический вестник. – 1924. - №9, декабрь.
3. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). – Ф. П.-1. – Оп1. – Д.824. – Л.131.
4. ГААРК. – Ф. П.-1. – Оп1. – Д.292. – Л.36.
5. Там же.
6. Там же. – Д.551. – Л.134.
7. Там же. – Д.292. – Л.43.
8. Там же. – Д.554. – Л.36.
9. Там же. – Д.292. – Л.4об.
10. Там же. – Д.199. –Л.1.
11. Там же. – Д.554. – Л.27.
12. Там же. – Л.29.
13. Там же. – Л.87.
14. Там же. – Л.91.
15. Там же. – Д.809. – Л.14.
16. Резолюции крымского областного агитпропсовещания. (30 августа – 2 сентября 1929г.). – Симферополь: Крымгосиздат. Агитпроп ОК ВКП(б), 1929. – 94с.
17. Камилев, А. Культурный поход комсомола Крыма. – Симферополь: Крымпартиздат, 1934. – 57с.
18. Там же. – С.56.
19. ГААРК. Ф.П.-142. – Оп.1. – Д.9. – Л.23.
20. Там же. – Л.32.